

ПЕРЕЕХАВ из одной столицы в другую, из Москвы в Ленинград, обратила внимание, что перемещение в пространстве не изменило почти ничего. Так же гроыхала песня «Есаул, есаул!», так же холодно и отстраненно встретили стены вокзала, те же кооперативные коробейники бойко торговали, так же жалси по стенкам жители бывшего Санкт-Петербурга, вступившие, впрочем, в новую фазу — карточек. Историческую фазу.

— Виталий Вячеславович, — обратилась я к режиссеру, снявшему «Здравствуй и прощай», «Мама вышла замуж», «Утиную охоту» и многое, многое другое, — вот сейчас, в эпоху тотальной унификации сознания, культуры, если это можно назвать культурой, почему вдруг такой взрыв интереса к истории? Несколько лет назад все взалхлеб смотрели «Юность Петра» Сергея Герасимова, теперь на выходе ваша «Царская охота»? Или, может быть, людям все-таки хочется вернуться в обычное, непохожее состояние?

Почему вы обратились к истории вообще, к восемнадцатому веку и к эпохе Екатерины II в частности? Насколько я знаю, это у вас первый исторический фильм — в таком понимании этого слова?

— Еще в восьмидесятых годах, будучи руководителем лентфильмовского телевизионного объединения, я предложил Гостелерадио сделать серию фильмов, посвященных истории России. Это должны были быть вполне демократичные картины — с занимательными сюжетами, жанрово разнообразными. Основой таких фильмов могло стать какое-либо историческое событие, личность, исторический анекдот, курьезный случай. Вся затея призвана была будить в людях интерес к собственной истории, призвана была разрушать официоз и казенщину в самых подходах к прошлому. Из затеи этой, конечно же, ничего не получилось. Думаю, вы понимаете, почему. Еще с довоенных времен у нас сложились стандарты исторического фильма. Он должен быть непременно «зободневен». Если портились отношения с Польшей, мы срочно делали «Богдана Хмельницкого», ежели в воздухе пахивало пороком — «Александра Невского». Но было и другое: ежели ты надел на артиста парик, а на артистку — турнюр, развлекая, сделай мне красиво. В более поздние населенные изощренным чино-

вля и проникновения в государственные и промышленные сферы России. «Что же имел в виду Мельников, — примерно так размышляет в рецензии Е. Плахова. — Может быть, он намекает на пресловутое засилье «жидомасонов в иные исторические времена». Проверить, насколько справедливы рассуждения Плаховой, зритель не может, потому что картина на экранах практически не шла. Так были ли шансы у моей затеи с историческим сериалом?

— Это уже не первая ваша неудавшаяся попытка на ТВ...

— Вы имеете в виду «Утиную охоту»?

— «Отпуск в сентябре».

— Ну да, от греха подальше — мы так ее назвали. Но ее нельзя назвать неудавшейся попыткой, картина все-таки вышла, и это самое главное.

— Но сколько она лежала? Два, три года?

— Восемь.

— Олег Даль уже умер. И вдруг выходит фильм — и он перед нами живой, в траурном венке Зилова. Мисти-

чему нужны такие картины сегодня народу? Что ему до этих екатерининских страстей? Или это просто «убег» в другую сторону, где красиво живут, красиво едят, красиво любят? Эффект отстранения?

— Вы знаете, я вот сейчас езжу с картиной по стране. Это, мне кажется, очень нужно. И собираюсь в Душанбе. Спросите — почему именно в Душанбе? Ну хотя бы ради тех русских, что там живут. Чтобы в трудные минуты они ощущали себя частью великого народа.

— Вы упомянули Душанбе и русских, которые там живут. А я вспомнила, что у меня там много лет жила подруга — русская, коренная москвичка. Она там нашла свою вторую, быть может, истинную жизнь, стала другим человеком — сильным, уверенным в себе. Много лет была связана со строительством Нурекской, а потом Рогунской ГЭС. И вот в феврале прошлого года, после погромов, о которых у нас почти и не писалось, вернулась. Я была в Таджикистане много-много раз и знаю, какой это

Виталий Мельников:

ОХОТА ЦАРЕЙ

ка! Почему ее все-таки не пускали? Из-за пьянства, из-за безысходности? Но «Утинная охота» шла на сценах...

— Я тоже годы добивался ответа на этот проклятый вопрос — почему? Разные заместители Лапина были столь исчезающе обтекаемы, что просто понять ничего нельзя было. И тогда я пошел в банк и позвонил прямо Лапину. Ну то есть его секретарше. И вдруг трубку берет он сам. Я задаю ему вопрос. А он мне — а вы сами не понимаете, почему? Тогда подумайте. Вот так и расстался.

— Итак, все-таки ближе к «Царской охоте».

— Да, через энное количество лет захотелось все-таки вернуться к затее, неудавшейся на ТВ. Пьеса Леонида Зорина «Царская охота» и его трактовка событий, связанных с судьбой княжны Таракановой, показали мне подходящим материалом для фильма.

— А как возникла Светлана Крючкова на роль Екатерины?

— Ну, вы знаете, мы впервые познакомились с ней еще на «Старшем сыне», потом была «Женитьба», о которой

Кадр из фильма

некоторым русским. Не хватит ли бесконечных выяснений, кто кому сколько должен и кто в чем виноват? Гораздо важнее вопрос: куда идем и кто мы?

— А что вы думаете об идее особого пути России?

— Особого пути? Путь — это осознанное движение к определенной цели. Можно скорее говорить об особом положении России, географическом, политическом. На российских просторах столкнулись Запад и Восток. Это общеизвестно. От столкновения противоположных течений образуется водоворот. Вот в такой воронке нас и крутит много веков. В этих условиях складывались и судьба народа, и его характер. В русском человеке постоянно идет борьба рационального с иррациональным, восточный фатализм сменяется периодическими попытками взять судьбу за шиворот. О русском народе говорят: он терпелив и покорен. О нем же говорят: он необуздан в страстях и агрессивен.

— Агрессивен?

— А как же! Чем вы объясните ужасы, которые мы творили над собой в гражданскую, а неистовство, с которым разрушали церкви? И это, по прежним меркам, самый религиозный народ в мире! Откуда эти черты в русском омуте? Мы должны этого в себе побаиваться, остерегаться. Вот почему так важно знать свое прошлое.

— Самый религиозный народ? Знаете, у меня мать — дочь сельского священника, воспитанная уж в такой, казалось бы, религиозности, так вот, она мне много рассказывала о том, как верили и не верили в деревне. Да, ходили в церковь, да, молились истово, но верили ли? Почему же тогда так легко все разрушилось?

— А замечательные храмы, иконы, искусство религиозное — разве это не душа народа, истинная? Иногда путают веру с идолопоклонством. Да, нашему народу свойственно и это — кое-кто просто сменял тогда одного идола на другого. Впрочем, вопрос о церкви, о вере — слишком сложная материя, здесь мы углубимся в такие дебри! Или наоборот, соблазнимся зободневностью вопроса. Сегодня вокруг церкви тоже происходят интересные вещи. Недавно депутаты нашего Ленсовета поставили вопрос о передаче церкви всего имущества Александроневской лавры. Вроде бы уж как демократично. Но Лавре некогда принадлежал порядочный кусок города, застроенный вполне светскими

ем, ввали в эйфорию, но почему это все так щемяще знакомо? Ведь уже было, было! Но урок — не впрок.

— Хочется надеяться, что ваша новая картина из тех редких явлений, которое способно вернуть человека к серьезным размышлениям.

— Да, хотелось бы, чтобы «Царскую охоту» смотрели. Вы знаете, что дала перестройка мне как режиссеру? Прежде всего вернула давно забытое «чувство зрителя». Долгие годы мы, надежно отгороженные от этого самого зрителя, отдавали силы на то, чтобы обойти и обмануть начальство, протасить какой-нибудь намек или мысленку, чаще всего понятную только нам. Сейчас путь свободен со всеми возникшими последствиями. Сегодня мы частенько и заискиваем перед зрителем, и потакаем его не вполне утонченным вкусам. Мы соблазняем его, покупаем его и, к сожалению, развращаем его. И все-таки, и все-таки мы получили возможность выходить к нему напрямую. Это главное. Вот теперь найти бы то единственное, понятное и нужное ему сегодня слово. Появилась новая, еще до конца не осознанная нами ответственность, которую не с кем уже делить и не на кого валить.

Может быть, я ошибаюсь, но мы как-то не задумываемся над тем, какого именно зрителя мы получили в товарищи. Он, приученный беспрекословно верить слову печатному и слову экранному, совершенно беззащитен, как ребенок, выросший в детдоме, а что мы обрушиваем на него сегодня? Не мешало бы над этим задуматься. Вот задумываются ли, скажем, наши ленинградские журналисты, день за днем с азартом обыгрывая слово «голод». Начиная им утренние передачи и заканчивая им вечерние. Помнят ли они, что это слово означает для ленинградцев? Не помнят, конечно, поскольку молодые еще, но вот «чувствовать» собеседника и зрителя обязаны, как обязаны предугадывать последствия раздуваемого психоза.

— Уезжая из Москвы, я услышала о голодных обмороках в Ленинграде. Приезжаю и вижу — да, конечно, хорошего мало, но жизнь идет и, как мне кажется, легче, чем в Москве. В Ленинграде, по программе «Время», слышу о молочной блокаде в столице, неразгружаемые вагоны, брошенные на снег мясные туши. В ужасе звоню в Москву...

— Вот! Это именно то, о чем я хотел сказать. Образ-

нас сложились стандарты исторического фильма. Он должен быть непременно «злободневен». Если портились отношения с Польшей, мы срочно делали «Богдана Хмельницкого», ежели в воздухе почивало порохом — «Александра Невского». Но было и другое: ежели ты надел на артиста парик, а на артистку — турнюр, развлекай, сделай мне красиво. В более поздние, населенные изощренным чиновничеством времена, появилось словечко «аллюзии». Под париками и турнюрами стали искать глубоко спрятанные намеки. Если их находили, то картину закрывали или уродовали. Если намеков не обнаруживалось, «прогрессивная критика» презрительно кривилась и рассуждала о бессодержательности. Все эти предрассудки весьма живучи. Помню, один наш уважаемый критик, рецензируя давнюю мою картину «Женитьба», подчитал, что матримониальные метания Агафьи Тихоновны происходили в 1825 году, то есть чуть ли не в дни Декабрьского восстания. Впервые, странно, почему он вообще занимался подобными подсчетами, а во-вторых, зачем это он сообщает в рецензии? Чего он хотел от бедных авторов фильма и от бедного Гоголя тоже? Но вот проходит полтора десятилетия, и в наши бурные перестроечные времена я нахожу в рецензии на свой фильм «Первая встреча, последняя встреча» нечто удивительно знакомое. Фильм этот связан с предвоенным 1914 годом, существенную роль в завязывании сюжета играет в нем факт германского заси-

таки вернувшись в Россию, по удавшейся на ТВ. Пьеса Леонида Зорина «Царская охота» и его трактовка событий, связанных с судьбой княжны Таракановой, показали мне подходящим материалом для фильма.

— А как возникла Светлана Крючкова на роль Екатерины?

— Ну, вы знаете, мы впервые познакомилась с ней еще на «Старшем сыне», потом была «Женитьба», о которой мы уже говорили. Так вот, еще на съемках, даже на пробах к «Женитьбе», я в шутку говорил Светлане, что если не получится с Агафьей, то уж Екатерину Вторую ты у меня обязательно когда-нибудь сыграешь.

— Тогда это, наверное, казалось немислимым...

— Но, как видите, осуществилось. И когда осуществилось, Крючкову привезли на студию, одели, загримировали — все решилось в один момент. Акцент? Да, акцент — это, наверное, самое невероятное. У нее, как она рассказывает, была подружка — немка. Светлана ее записывала на магнитофон и училась.

— Виталий Вячеславович, уже приходилось слышать, что критика о картине высказывается разное.

— Я знаю — говорят, мол, костюмная картина, карнавал, уход от суровой действительности... Все это не внове.

— Да, что-то в этом роде. Но также слышала, что на публике фильм проходит очень хорошо. Вот хотелось бы поговорить шире на такую тему, ведь вы, наверное, задумывались об этом — по-

Кадр из фильма.

Светлана Крючкова в роли Екатерины II.

Анна Самохина — княжна Тараканова, Николай Еременко — граф Орлов.

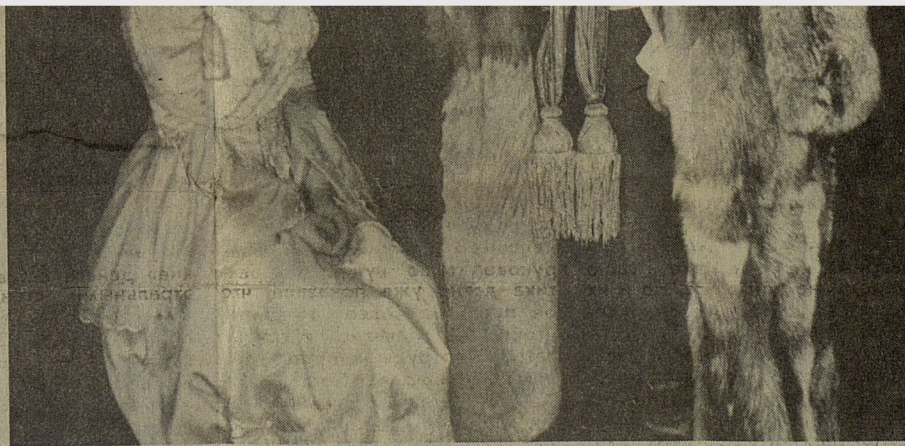
добрый, гостеприимный народ, не верю, не хочу верить, что то было лицемерие. Что случилось с русскими и с отношением к русским? Или в самом деле прав Валентин Распутин, говоря, что сегодня русский человек бесконечно унижен?

— Русский человек соvestлив, склонен к самокопанию — иначе не было бы у нас Достоевского, Толстого, Чехова. Русский человек к тому же еще очень внушаем. Ему вдалбливают, что он дущитель свобод и прочее и прочее, и он, как всякий, имеющий совесть, начинает думать — черт его знает, а может, я и на самом деле... Такой народ никогда не напомнит и не будет упиваться своими заслугами и добрыми делами. Стыдно как-то это делать великому народу. Вот и идет игра в одни ворота. Только несчастенькими жертвами нас тоже изображать не след. Кое-чего мы и сами натворили. Причем сами над собой не-

сравнимо больше, чем над кем-либо другим.

— Вот говорят, ставя их нам в пример, что, мол, немцы покалялись за содеянное во второй мировой войне. Что вся нация прошла через покаяние.

— Немцы натворили бед, руководствуясь прежде всего национальной идеей, потому они и ощущают себя виновными как нация. Русскому же народу пытаются приписать грехи, которые должны бы разделить с нами многие и многие иные нации. Все были ослеплены утопической внеациональной идеей. Вот ведь в чем дело. И русские здесь понесли страшные, несопоставимые потери. Можно и нужно говорить о покаянии партии, но и здесь не все просто. Среди восемнадцати миллионов были, прямо скажем, и неплохие люди, а есть и составляющие гордость нации. Была ли когда-либо в мировой истории трагедия масштабнее и сложнее той, которую переживаем

сейчас мы с вами? Справедливо ли тут говорить о вине русского народа? Сталин, которого некоторые склонны изображать тупым уголовником, выработал дальновидную политику по отношению к русскому народу. Он им прикрывался, вытаскивал в нужный момент «русскую» и «державную» идеи, умышленно их объединяя. До войны само слово «Россия» было полужапрошенным, оно должно было у людей ассоциироваться только с царской колониальной империей. Я не говорю сейчас о русской философской мысли, «не совпадающей» с постулатами марксизма, я не говорю о русской литературе, о всяких там Бунинных, Купринных и Набоковых. За все за это просто сажали. Но вот началась война, и Иосифа Виссарионовича прижало. И сразу же вспомнил он о «Великой России». «Пусть осенят вас знамя Ленина», — говорил Сталин, но теперь присовокуплял сюда на всякий случай и

Александра Невского, и Суворова с Кутузовым. Быстренько возродил он слово «державна», вернул российской форму армии. А по радио дню и ночью гремело «Славься». Параллельно высылали калмыков и чеченцев, загоняли в тайгу и казахские степи поволжских немцев, вылавливали в Прибалтике «лесных братьев». Делалось это «волею державы» — стало быть, как бы от нашего имени. Несправедливости и притеснения все больше ассоциировались в мире со словом «русские». Причем в то же самое время сталинские уполномоченные пахали на русских бабах послевоенные колхозные нивы! Виноваты ли русские? В той же мере, в какой виноваты грузины и украинцы, белорусы и армяне. И когда сегодня кое-кто из моих соплеменников рвет на себе рубаху и кричит: покаемся перед народом эдаким или таким, я хотел бы отнести это за счет экзальтации, свойственной

деорит или наоборот, сообразным злостью вопросом. Сегодня вокруг церкви тоже происходят интересные вещи. Недавно депутаты нашего Ленсовета поставили вопрос о передаче церкви всего имущества Александроневской лавры. Вроде бы уж как демократично. Но Лавре некогда принадлежал порядочный кусок города, застроенный вполне светскими зданиями, к тому же церковь пока не в состоянии отстранировать даже и толику загаженных нами храмов. Так что же будет с этим возвращенным имуществом? А вот это уже инициаторов не заботит. Многим сегодня ох как важно сделать эффектный жест. Если говорить о религии, то много в происходящем сегодня показного, неискреннего, свершаемого по велению моды, а не по велению души. Быстренько, видите ли, «уверовали»! Быстренько можно только смеяться идолу на идола. Один из секретарей нашего революционного Киносоюза эффектно боролся под лозунгом «Вся власть Союзу», потом он так же эффектно боролся за разъединение того же Союза. «Расшатывать надо, расшатывать!» — любил он говорить. Потом он ушел «с высоко поднятой головой», оставив после себя смехотворно раздробленный и никому уже не страшный конгломерат союзников. Преемники заняты сейчас дележом имущества. А ведь на каждом отдельном отрезке пути все было вполне революционно. Робеспьеров, Маратов, не говорю уж о Керенских, нынче — пруд пруди. Конечно, увлеклись, конечно, не уме-

Приезжаю и вижу — да, конечно, хорошего мало, но жизнь идет и, как мне кажется, легче, чем в Москве. В Ленинграде, по программе «Время», слышу о молочной блокаде в столице, неразгружаемые вагоны, брошенные на снег мясные туши. В ужасе звоню в Москву...

— Вот. Это именно то, о чем я хотел сказать. Образуется на наших глазах какая-то новая информационная структура власти. То есть она всегда была, но нынешняя ситуация довела ее до экстремальных размеров. Ежедневно с упорством общественное сознание подвергается ударам, способным сокрушить, обрушить на несколько порядков ниже нормы порог чувствительности, болевой порог: наступает социальная апатия.

А может быть, нам сегодня не следует подливать масла в огонь, а нужно напоминать, твердить человеку, что он прежде всего человек и жить обязан по нравственным законам человеческого общения. Что бы ни происходило! Утихнут политические страсти, но останутся дом, семья, любовь, долг старых перед молодыми, молодых перед старыми. Такова жизнь. Она и сейчас такова, и незачем запугивать себя и других.

Что же касается того, стоит ли нынче делать картины про восемнадцатый век, то человек ведь всегда остается человеком, в пудренном ли парике он или в кепке.

Беседу вела
Валентина ИВАНОВА.